

Кущевский Иван Афанасьевич

Неизданные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Афанасьевич К.**
Неизданные рассказы / Кущевский Иван Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 358 с.

ISBN 978-5-519-92070-4

ISBN 978-5-519-92070-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТАНКРЕДЪ.

Его всѣ знали за чловѣка недоступной чести...

Съ великими упованіями прїѣхалъ онъ въ провинцію дѣлать реформы: переустроивать, преобразовывать, благообразивать. Нипѣ, какъ извѣстно, всякій будочникъ вступаетъ во вѣренную ему будку съ намѣреніемъ все въ ней переустроить, преобразовать, благообразить: переустроить скворешницу на чердакѣ, преобразовать помойное ведро въ чистое, а чистое въ поганое, благообразить будку рисункомъ, изображающимъ, какъ „мужикъ Данило бьетъ кунца Гаврило въ самое рыло, дабы сыто было“—словомъ, произвести какъ можно больше зависящихъ отъ его власти, болѣе или менѣе важныхъ и остроумныхъ преобразованій. Во всемъ этомъ оптимисты видятъ какіе-то благопріятные признаки новаго времени и прогресса... Мѣряя на свой обывательскій аршинъ, я не вижу и не нахожу въ этихъ стремленіяхъ новыхъ администраторовъ по всякимъ преобразованіямъ и нововведеніямъ ничего для себя утѣ-

пительнаго. Дѣло, собственно дѣло, обстоитъ благополучно, попрежнему; измѣнилась только форма. Старшій администраторъ, засучивъ рукава, кидался на васъ бѣшенымъ вепремъ и кричалъ: „что вы разсуждаете! съ кѣмъ вы говорите! какой законъ! я законъ!“

Нынѣшній администраторъ не скажетъ вамъ ничего подобнаго, не кинется на васъ съ засученными рукавами и не будетъ кричать; онъ просто и логично скажетъ: „понимаете, милостивый государь, я такъ хочу“.

Съ человѣкомъ, орущимъ во всю глотку, что онъ законъ, дѣло улаживалось очень просто при помощи пакетика со вложеніемъ. Съ человѣкомъ, кротко заявляющимъ: я такъ хочу, надобно поступать гораздо хитрѣе: надобно не только имѣть что дать, но надо умѣть, какъ дать—дать такъ, чтобы даже сама берущая рука думала, что она не беретъ, а даетъ.—Это обстоятельство было бы для обывателей великимъ затрудненіемъ, еслибъ сами новыя дѣлатели не наводили добрыхъ людей на умъ—на разумъ.—Я зналъ одного изъ нихъ—человѣка самыхъ строгихъ правилъ, переводившаго на русскій языкъ Гельвеціи, который постоянно продавалъ сапатыхъ клячъ своимъ просителямъ по триста, по четыреста и по пятисотъ рублей за штуку—смотря по стоимости дѣла. Другой баринъ, написавшій когда-то обличительную повѣсть о взяточникахъ,—вотъ уже десятый годъ не можетъ разыграть въ лоттерею полomanную скрипченку, которую выдаетъ за скрипку Страдиваріуса. Смотри по важности дѣла, проситель не уйдетъ отъ него, не подписавшись на пять, на десять, или на двадцать билетовъ,—каждый билетъ по пяти рублей.—Такимъ образомъ подмазка противъ могущаго

возникнуть скрипа при ходѣ дѣла, при помощи этой скрипки, совершается незамѣтно; если вы и не играете скрипки Страдиваріуса, то можете выиграть дѣло...

Вообще, глядя на новыхъ дѣятелей пристрастными глазами обывателя, всегда имѣющаго прежде всего въ виду свои выгоды и удобства и не могущаго обнять пользу высшихъ цѣлей, я не могу похвалить ихъ.— Прежде, бывало, помощникъ квартальнаго въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ придетъ къ тебѣ, стоитъ и ходитъ въ передней.—„Что вамъ пужпо“? — „У вашего человѣка пачпортъ просроченъ“...—Нельзя-ли это какъ-нибудь устроить?—„Для васъ все можно-съ“.— „Вотъ вамъ три рубля“.—Покорно благодаримъ-съ.

Нылѣ не то-съ...

Я не могу безъ смѣха вспомнить вопли и жалобы одного провинціальнаго купца на эти нововведенія.

— Пожилуйте, батюшка, говорилъ онъ, теперь, какъ на петербургскій манеръ запретили собирать праздничные—вѣдь это разореніе!—Принесли ему въ Рождество,—не приплылъ: „праздничные, говорить, принимать запрещено, а въ день моего ангела вы меня, какъ добрые знакомые, можете почтить какими угодно подарками—что вамъ заслужилъ“. Зовутъ Иваномъ, а не говорить, когда именинникъ. Принесли седьмого января—поблагодарилъ, принялъ, а только, говорить, я сегодня не именинникъ. Припесли пятнадцатаго—принялъ... Двадцать второго припесли — принялъ... Двадцать шестого, двадцать седьмого, тридцатаго, тридцать перваго—одинъ январь-то насъ раззорилъ!—смотришь, въ февралѣ объ три раза именинникъ, въ мар-

тѣ — пять, въ апрѣлѣ четыре раза, въ маѣ — шесть... всего въ году разъ шестьдесятъ! — Вотъ и извольте! — То ли дѣло было прежде: зналъ два праздника въ году — Рождество да Пасху — и уже больше никакихъ расходовъ не было! — А тутъ какъ попадется на тебя имянинникъ Иванъ — каково выносить!..

Еще разъ повторяю, что съ моей обывательской точки зрѣнія, едва-ли наши провинціальныя администраторы измѣнились къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались реформаторами, и получили склонность къ нововведеніямъ. И многіе вмѣстѣ со мною думаютъ, что они только нашли на свои карманы модныя флястики, но самыя карманы значительно увеличили и расширили къ нашей обывательской невыгодѣ... Да и нельзя имъ ихъ не расширить! — Теперь они облагорожены — не могутъ курить брафтовскихъ сигаръ, подавай гаванскія, не могутъ пить очищенной — подавай коньякъ, не могутъ жить съ женой — подавай содержанку!.. Теперь каждый будочникъ чувствуетъ, что онъ не маловажная спица въ колесницѣ, что онъ назначенъ перестраивать, преобразовывать, облагораживать. Неужели вы, беззаконники, пожалѣете вашу послѣднюю рубаху для реформатора за то, что онъ перестроитъ васъ, преобразуетъ, облагодѣлаетъ! — Правда, вы увидите въ немъ того же стараго дѣльца; онъ будетъ тѣмъ же визиремъ, будетъ также поступать деспотически, — но вѣдь онъ будетъ поступать такъ во имя прогресса! — Утѣшеніе небольшое, но все-таки утѣшеніе...

Къ утѣшенію обывателей, *онъ*, пріѣхавъ въ провинцію, привезъ съ собою, вмѣсто стараго и грознаго *заявленія*: *я законъ*, *заявленіе* новое, болѣе мягкое: *я*

такъ хочу. Радовались всѣ его прїѣзду и шептали: „человѣкъ пожилой, а, говорятъ, ужасный либераль“.

Замѣчено было, что онъ пожалъ руки только тѣмъ чиновникамъ при парадномъ представленіи, которые были съ бородами, а бритымъ только слегка кивнулъ головой. Вслѣдствіе этого многіе весьма почтенные старики перестали бриться...

— Господа, сказалъ онъ между прочимъ, будемъ работать дружно, сообща, не забывая важности своего дѣла, не забывая, что мы служимъ нашему милому отечеству... Намъ предстоитъ много труда: многое нужно переустроить, преобразовать, облагородить...

И на другой же день онъ принялся переустраивать, преобразовывать, облагораживать. Дѣло на пользу отечества шло такъ успѣшно, что онъ въ день выпускалъ по десяти циркулярныхъ предписаній, въ которыхъ усматривалъ, принималъ во вниманіе, предлагалъ и предписывалъ.

Онъ ничего не упускалъ изъ виду, такъ что еслибъ я вздумалъ перечестъ хоть сотую долю его распоряженій съ цѣлью все перестроить, преобразовать и облагородить, то этого фельетона не хватило-бы на одни перечисленія всевозможныхъ запрещеній... Господи! чего бы онъ ни запретилъ! Разъ даже онъ хотѣлъ запретить русскимъ людямъ щи и кашу, въ виду того, что одинъ мужикъ, объѣвшій этихъ кушаньевъ, умеръ; но, къ счастью, его письмоводитель урезонилъ его тѣмъ, что въ случаѣ запрещенія любимыхъ кушаній русскаго народа—щей и каши, можно ожидать серьезнаго волненія... *Серьезнаго* волненія Андрей Пванычъ (такъ звали его) боялся. Шуточныя же волненія онъ очень любилъ, самъ

производитъ ихъ и самъ усмирялъ съ такой распорядительностью, что всегда получалъ благодарность начальства. Возьметъ, напр., передъ ярмаркой и прикажетъ арестовать всѣ паромы, подъ предлогомъ ихъ ветхости. Съѣхавшіеся на другой сторонѣ рѣки обозы съ товаромъ и мужики съ хлѣбомъ и всякой всячиной, доѣвши свои послѣдніе запасы, начинаютъ роптать, тогда посылается нѣсколько казаковъ успокоить ихъ... Что за дѣло, что они лѣзутъ на ярмарку съ разбитыми ни за что ни про что рылами: было бы волненіе и было-бы оно, благодаря своевременно принятымъ энергическимъ мѣрамъ, успѣшно усмирено. — За это награждаютъ...

Очень можетъ быть, что, наконецъ, по поводу какого-нибудь ужаснаго происшествія, въ родѣ наступленій на его, Андрея Ивановича, мозоль, онъ бы запретилъ весь ввѣренный его управленію городъ, еслибъ не случилось одного происшествія, которое значительно охладило его горячность къ реформамъ, къ перестроиванію, преобразованію и облагораживанію. — Его, неподкупнаго, купили — и какъ дешево купили!

Онъ уже уволилъ чуть не половицу своихъ подчиненныхъ, забраковалъ четыре поставки, не принялъ трехъ подрядовъ, приказалъ сломать пожарную каланчу, приказалъ зарыть прудъ... словомъ, привелъ весь городъ N. въ смятеніе и даже нѣкоторый страхъ. Но когда онъ открылъ знаменитое, такъ называемое, чернильное дѣло, — всѣ пришли въ ужасъ... Открытіе это совершилось слѣдующимъ образомъ. Съ чернильной фабрики первогильдейнаго купца изъ евреевъ Іакова Сандараква выѣхалъ однажды цѣлый обозъ съ чер-

нилами и попался на встрѣчу Андрею Ивановичу, который тотчасъ же замѣтилъ, что одна изъ ведерныхъ бутылей дурно поставлена и готова скатиться съ воза. Такому дѣятельному человѣку до всего есть дѣло. Блюдя интересы гражданина Якова Сандаракова, онъ тотчасъ же распорядился арестовать дурно упакованный возъ.— Растерянный квартальный подскочилъ къ возу и съ быстротою молніи схватилъ бутылъ съ такою ловкостью, что горлышко отвалилось и онъ окатилъ себя чернилами съ шеи до сапоговъ... Андрей Ивановичъ готовъ уже былъ засмѣяться, когда ужасные вопли квартального, катавшагося въ страшныхъ мученіяхъ по землѣ, заставили его тотчасъ же сдѣлать распоряженіе объ арестованіи всего обоза съ чернилами.—При испытаніи, оказалось, что эти чернила не только разъѣдаютъ бумагу и перья, но, понавъ на мягкое тѣло, напр., подъ ноготь, производятъ острую боль.—Не трудно было догадаться, что это не простое чернило.

Дѣло въ томъ, что въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ съ сосѣдняго серебрянаго рудника начали воровать серебро въ поражающихъ количествахъ. Куда и какъ его сбывали?—Его растворяли въ азотной кислотѣ и, въ видѣ чернилъ, очень спокойно и безопасно провозили за границу.—Андрей Ивановичъ открылъ это!

Тотчасъ же воспослѣдовало распоряженіе о немедленномъ арестованіи всѣхъ евреевъ и купцовъ, находящихся въ городѣ, принимая во вниманіе, что Яковъ Сандаракъ: 1) еврей, слѣдственно, всѣ евреи къ этому дѣлу причастны; 2) что онъ купецъ, слѣдовательно всѣ купцы къ этому причастны. Оставалось только удивляться, какъ Андрей Ивановичъ не распорядился аре-

ствовать всѣхъ находящихся въ городѣ Якововъ, на томъ основаніи, что Сандаракъ приходится имъ тезкой! Наши администраторы и слѣдователи ужасно любятъ арестовывать. Въ одной арестаптской я видѣлъ пару кроликовъ и медвѣдя, арестованныхъ вмѣстѣ съ людьми.—Господи! какая тюрьма нужна для нашихъ слѣдователей и администраторовъ, помѣщенныхъ на энергическихъ мѣрахъ, которымъ кажется, что мало людей на землѣ для утоленія ихъ жажды арестовывать — надобно пополнить недохватку хоть арестованіемъ животныхъ для доказательства своей неутомимой энергіи и дѣятельности...

Купцы и евреи арестованы... Чернило сложено въ сарай, двери заперты на замокъ и запечатаны казенной печатью, печатью Андрея Ивановича, печатью Сандаракъ и печатями еще трехъ арестованныхъ купцовъ, наиболѣе подозрѣваемыхъ въ соучастіи, такъ какъ они евреи...

Въ городѣ распространилась паника...

На утро-же къ Андрею Ивановичу явился братъ Якова Сандаракъ, Моисей Сандаракъ съ огромнымъ пакетомъ, на которомъ четко и красиво было написано: „созложеніемъ 10,000 рублей“. Андрей Ивановичъ сидѣлъ въ это время за чаемъ; онъ кушалъ личницу съ ветчиной и запивалъ сладкимъ чаемъ; любилъ его собака Такредъ помѣщалась рядомъ съ нимъ на диванѣ.

— А-а! произнесъ Андрей Ивапычъ, осмотрѣвъ пакетъ,—это вы мнѣ принесли!..

— Точно такъ...

— Благодарю. Садитесь пожалуйста. Агафья! квартальнаго! Мнѣ взятку принесли!

Андрей Ивановичъ дико захохоталъ, подкидывая пакетъ на ладони. Танкредъ поднялъ голову и оскалилъ зубы—точно и онъ смѣялся...

— Арестовать!

Очевидно, онъ былъ неподкупенъ. Да и зачѣмъ ему было нужно быть подкупнымъ? У него не было ни роду, ни племени, ни жены, ни дѣтей; былъ гдѣ-то племянникъ, но и того онъ ненавидѣлъ до глубины души за то, что онъ въ первый-же визитъ выпилъ почти полъ графина водки и съѣлъ почти фунтъ паюсной икры въ полтора рубля серебромъ; во второй визитъ, ему на закуску былъ поставленъ уже только пирогъ съ капустой,—онъ и его съѣлъ... Для такого ненавистнаго человека Андрей Ивановичъ не могъ копить денегъ, а больше у него никого не было, если не считать преданной Агафьи; но на имя ея онъ уже положилъ куда слѣдуетъ 500 рублей. Чего-же больше нужно простой женщинѣ—у него не было даже друзей, не только друзей закадычныхъ, но даже просто добрыхъ знакомыхъ.

Ровно двадцать лѣтъ онъ прожилъ на одной квартирѣ, ровно двадцать лѣтъ онъ вставалъ въ восемь часовъ и спрашивалъ у Агафьи, возившейся съ самоваромъ,—какова погода; ровно двадцать лѣтъ онъ мечталъ о реформахъ и преобразованіяхъ, и о существовавшихъ порядкахъ говорилъ не иначе какъ съ прибавленіемъ фразы: „прежде, съ позволеніи сказать“! Если его и интересовало что нибудь въ жизни, то во всякомъ случаѣ не деньги, не нажива. Онъ хотѣлъ быть славнымъ... хотѣлъ читать о себѣ въ газетахъ: „благодаря энергическимъ распоряженіямъ, волненіе усмирено“ — или — „неуспынная дѣятельность, направленная къ уничтоже-

нію п'янства въ народѣ, принесла блестящіе результаты" — или — „благодѣтельныя распоряженія новаго начальника уже успѣли залечить многія общественныя язвы“. Андрей Ивановичъ былъ честолюбивъ и жилъ только во имя своего честолюбія. Женщинъ онъ не любилъ и, не испытавши ни разу въ жизни теплаго чувства родственной привязанности, не испыталъ и страсти: онъ презиралъ женщинъ за то, что давалъ имъ деньги. — Одинокій и задумчивый, вѣчно пощипывающій свои сѣдые бакенбарды на складчатыхъ щекахъ черномѣднаго цвѣта, занятый мыслями о прославленіи себя, едва похожій на живое существо съ плотью и кровью, онъ все-таки имѣлъ потребность въ привязанности къ живому существу. По привычкѣ онъ терпѣлъ старую Агафью, но не могъ относиться къ ней безъ презрѣнія. Лѣтъ за десять передъ тѣмъ, какъ ему пріѣхать въ провинцію, онъ нашелъ себѣ предметъ достойный привязанности: это былъ маленькій щенокъ сетеръ. Онъ заплатилъ тогда за него пять рублей, но теперь не взялъ-бы за него ста тысячъ. — Только предъ этимъ безсловеснымъ существомъ онъ и могъ быть человѣкомъ на распашку, не корчить изъ себя недоступнаго кумира, не играть роли. — И чего онъ не продѣлывалъ со своимъ Танкредомъ, запершись въ комнатѣ даже отъ Агафьи! — Никто не повѣритъ: онъ скакалъ вмѣстѣ съ собакой, катался съ ней по коврамъ, цѣловалъ ее въ морду, ѣдаже пробовалъ лаять по-собачьи, чтобы подразнить и развеселить своего Танкреда... Въ это время солидный и недоступный администраторъ превращался въ малаго веселаго и простодушнаго ребенка. — Ахъ,